

РОЛЬ И ИНТЕРЕСЫ США В КАТАРСКОМ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ КРИЗИСЕ 2017–2018 годов

© 2019 г. **Д.Б. Графов***

Статья поступила в редакцию 15.11.2018

Статья посвящена рассмотрению сценариев использования Соединённых Штатов Америки третьими странами в стратегии «оборонительного» и «наступательного» реализма. Автор анализирует попытки использования Соединённых Штатов Америки главными участниками катарско-саудовского дипломатического кризиса, а также интересы США в этом конфликте и действия по его разрешению. В июне 2017 г. Королевство Саудовская Аравия (КСА), Объединённые Арабские Эмираты, Бахрейн и Египет обвинили Катар в поддержке терроризма, выдвинули требования прекратить связи с Ираном, закрыть турецкую военную базу, но получили отказ на этот ультиматум. С целью ослабить враждебное их интересам влияние эмирата в делах Залива и других стран исламского мира «четвёрка» объявила блокаду Катару и привела свои ВС в состояние боевой готовности.

В качестве рычагов сдерживания в поисках решения «дилеммы безопасности» участники конфликта используют как своих союзников (США), так и противников своих противников (Иран, Турция) и нейтральных игроков (Россия). В теории международных отношений эти стратегии известны как *buck-passing*, (перекалывание ответственности, передача «ответного хода») и концепция баланса сил (*balancing of power*). Рассматривать их можно с точки зрения «оборонительного» и «наступательного» реализма.

Анализ конфликта позволяет сделать вывод, что лидеры "четвёрки" – КСА и ОАЭ – стараются максимизировать свою безопасность за счёт ограничения власти Катара, однако не достигают успеха, поскольку обе противоборствующие стороны в попытках повлиять на баланс сил вынуждены обращаться к США. Данный конфликт демонстрирует неэффективность перекалывания ответственности (*buck-passing*) на третью сторону, если это одна и та же страна (США) и оба противника выступают по отношению к ней клиентами. И Катар, с одной стороны, и Саудовская Аравия с Эмиратами с другой, несвободны в проведении (и даже выборе) стратегии без одобрения США. Однако, Катар, хоть и уступает по своему потенциалу соперникам, демонстрирует большую эффективность стратегии «оборонительного реализма», которая позволяет срывать агрессивные усилия противника, увеличивать издержки и риски саудовской коалиции. Реакция, с которой столкнулась «наступающая» сторона, подтверждают ещё один тезис: сила – хороший инструмент сдерживания (в качестве угрозы), но её применение чревато неопределёнными последствиями [Waltz K.N. 1979].

Ключевые слова: США, Катар, кризис, блокада, Саудовская Аравия, Объединённые Арабские Эмираты, Бахрейн и Египет, дилемма безопасности, «наступательный реализм», «оборонительный реализм», баланс сил.

*ГРАФОВ Дмитрий Борисович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. Российская Федерация, 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12 (graftvc@mail.ru).

В международных отношениях не часто случаются быстротекущие кризисы или конфликты, которые позволяют найти подтверждение или опровержение различных теорий международной политики. «Оборонительный» [Waltz K.N. 1990] и «наступательный» [Labs E.J. 1997; Mearsheimer J. 2001] реализм в международных отношениях ведут заочный спор [Lynn-Jones S.M. 1995], имеющий отношение к известной в международной политике «дилемме безопасности»¹ государства [Waltz K. N. 1979; Schweller R.L. 1996]. Есть ли оптимум в сохранении баланса сил с соседними государствами (также за их счёт), или ради получения гарантии безопасности государству следует максимизировать власть и мощь.

Арабские монархии Персидского залива на протяжении десятков лет представляли собой один из наиболее однородных, связанных общей историей, культурой, религией ареалов на политической карте мира. Казалось, что их общие племенные, коммерческие и внешнеполитические интересы неизменны, и единство этих стран пребудет в веках. Речь идёт о Королевстве Саудовская Аравия (КСА), Объединённых Арабских Эмиратах (ОАЭ), Кувейте, Бахрейне и Катаре. Однако, разразившийся в 2017 г. так называемый «катарский дипломатический кризис» показал, что в семье монархий назрел классический конфликт между «старшими» и «младшими», когда одна из «младших» монархий пожелала оспорить власть регионального гегемона. Саудовская Аравия, создав коалицию вместе с ОАЭ, Бахрейном и Египтом, решила прибегнуть к угрозе силой, чтобы отбить у Катара желание вести свою игру и, особенно, против интересов «четвёрки». Это и есть начальные условия задачи, в которых один игрок использует подход «наступательного» реализма. Ответная реакция Катара укладывается в «оборонительную» стратегию. Предпосылки кризиса возникли давно, он обострился после вовлечения внешних игроков, и сейчас Катар сохраняет баланс сил, укрепляя роль внешних игроков, фактически предлагая «четвёрке» выяснять отношения и с ними тоже.

Корни кризиса уходят в историю монархий Залива. В арабской части политического мира традиционно большое (если не первостепенное) значение имеет статус в региональной иерархии, демонстрируемый через уважение или неуважение. Известно, какое значение имел в 2009 г. выпад лидера Ливии М. Каддафи в адрес короля Саудовской Аравии на саммите Лиги арабских государств в Дохе. Каддафи назвал себя старейшиной всех арабских лидеров, королём королевей Африки и имамом всех мусульман, а про короля КСА Абдаллу сказал, что его сделали британцы, держат в кармане США, и ложь приведёт его к могиле². Не в последнюю очередь эти слова привели к могиле самого Каддафи, когда цветная революция в Ливии была поддержана Саудитами и Катаром.

Королевское семейство Саудитов, конечно, всегда считало себя центром и главной силой среди соседей по заливу. И оно имело на то основания: самая

¹ «Дилемма безопасности» – понятие, характерное для реалистической парадигмы в теории международных отношений. Его смысл заключается в простой идее: чем большей безопасности добивается для себя одно государство, тем меньше её остаётся у другого, тем больше сторона, ощущающая угрозу, готова на превентивные действия. [Waltz K. N. 1979. Theory of International Politics. McGraw-Hill, p.186].

² *Abdel Darwish*. Muammar Gaddafi accuses Saudi Arabia's King Abdullah of lying at Arab summit // The Telegraph, 30.03.2009. Available at: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/qatar/5079290/Muammar-Gaddafi-accuses-Saudi-Arabias-King-Abdullah-of-lying-at-Arab-summit.html> (accessed 15.11.2018)

большая территория, самые богатые нефтяные ресурсы, самые мощные вооружённые силы. США признают Эр-Рияд главным стратегическим союзником в регионе, Совет по сотрудничеству арабских государств Персидского залива ССАГПЗ (*Cooperation Council for the Arab States of the Gulf*) был создан при самом активном участии Саудовской Аравии, и в нём Эр-Рияд играет лидирующую роль.

Катар стартовал с других позиций. В XIX веке он непродолжительное время находился под властью Саудитов. Катарская монархия Аль-Тани не может похвастаться такой древностью рода, как саудитская ветвь. Третий эмир Катара шейх Хамад бин Халифа Аль Тани 25 июня 2013 г. объявил о передаче власти своему 33-летнему сыну – наследному принцу шейху Тамиму бин Хамаду Аль Тани, который правит сейчас. Однако сам отец получил власть не таким уж мирным путём. Его правление началось в 1995 г., когда он сверг шейха Халифу бин Хамада аль Тани (своего отца и деда нынешнего эмира), пока тот отдыхал в Швейцарии³. Лишенный власти Халифа бин Хамад публично отрёкся от сына и в феврале 1996 г. предпринял неудачную попытку контрпереворота. Он продолжал встречаться с королевскими семействами Саудовской Аравии, Бахрейна и Эмиратов. А сын жаловался, что эти страны планировали вернуть отца на трон силой. Власти Катара вскрывали одно покушение за другим и обвиняли Саудовскую Аравию и ОАЭ⁴.

Между тем, определённой чертой в истории монархий Залива стало нападение Ирака на Кувейт в 1990 году. КСА не смогло защитить Кувейт, страны Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива – ССАГПЗ, (*Cooperation Council for the Arab States of the Gulf*) сделали ставку на укрепление прямых отношений с Соединёнными Штатами Америки, как главным гарантом их безопасности. Эмир Катара Хамад бин Халифа также стал ориентироваться на США и других игроков, которые в отличие от КСА и ОАЭ не демонстрировали высокомерия по отношению к маленькому государству. Позже враги по Заливу придумали Катару политический ярлык: «рычащая мышь», «мышь, возмнившая себя львом»⁵. Тогда начали закладываться и отношения Катара с Турцией и Ираном. Кроме геополитических гарантий безопасности Доха использовала и экономические. Если КСА, ОАЭ, Кувейт, Бахрейн делали ставку на нефть, то Катару повезло с газом – доходы от экспорта сжиженного газа стали основным источником наполнения бюджета. Новые технологии позволили Дохе выйти на 3–4 место в мире по экспорту сжиженного газа. В 1997 г. началась разработка крупнейшего из морских газовых месторождений «Северное» (до 15% всех мировых запасов газа), частью которого владеет Иран. На отношения Катара с Ираном влияет и тот факт, что доля выходцев из Ирана, проживающих в Катаре, составляет более 10%.

³ Smooth Qatar Handover Rooted in Turbulent Past of 'Father Emir' // Reuters, 03.07.2013, Available at: <https://www.voanews.com/a/smooth-qatar-handover-rooted-in-turbulent-past-of-father-emir/1694301.html> (accessed 20.07.2018).

⁴ New details revealed on 1996 coup attempt against Qatar Exclusive Al Jazeera documentary uncovers new evidence of Saudi, UAE, and Bahrain involvement in the 1996 foiled coup // Aljazeera, 05.03.2018. Available at: <https://www.aljazeera.com/news/2018/03/al-jazeera-reveals-details-1996-coup-attempt-qatar-180304200532130.html> (accessed 18.09.2018).

⁵ The Mouse that Roared: How Saudi Arabia Underestimated Qatar // Before it's news, 17.07. 2017. Available at: <http://beforeitsnews.com/v3/alternative/2017/3532828.html> (accessed 15.07.2018).

Многомиллиардные газовые доходы, небольшая территория и собственное население всего около двух миллионов человек позволили Катару свободно распоряжаться огромными средствами. На них были созданы современные вооружённые силы, а никому не известная в те времена телекомпания «Аль-Джазира» превратилась в самый влиятельный информационно-пропагандистский ресурс в арабском мире. Соседи по Заливу стали относиться к Катару уже не просто как к счастливчику не знающему, куда потратить деньги, а как к амбициозному государству-высочке, вынашивающему планы бросить вызов саудовскому лидерству, и, вообще, оспорить сложившийся в регионе порядок⁶, особенно, через финансирование «цветных революций». Саудиты почувствовали, что Катар обзаводится собственной клиентурой среди новых и старых режимов. Одним из первых серьёзных столкновений интересов семейств Аль-Сауд и Аль-Тани стал «цветной» переворот в Египте. Главной действующей и победившей силой, которую поддерживал Катар, были «Братья мусульмане», движение салафитского толка, воплощающее идею политического ислама.

В освобожденном «арабской весной» Египте Эр-Рияд и Доха оказались по разные стороны баррикад. Официальный ислам в Саудовской Аравии ваххабитского толка, который никак не претендует быть "политическим исламом". А вот Катар, хотя и является, подобно КСА, абсолютной теократической монархией, активно спонсировал в Египте "Братьев мусульман" и всячески поддерживал идею трансформации "нового Египта" в государство, где в основе политической системы лежал бы политический ислам. Но вряд ли эти тонкие дефиниции определяли ставку Катара и КСА на разные джихадистские силы по всему Ближнему Востоку и за его пределами. Если исламские фонды Саудовской Аравии имели связи с террористами «Аль-Каиды», то Катар поддерживал не только «Братьев-мусульман», но и сотрудничал с ИГИЛ, чьи боевики угрожали свергнуть Саудовскую монархию и установить «чистый ислам».

Можно сказать, что к этому моменту Эр-Рияд принял решение не мириться дальше с угрозой своему статусу (и статус-кво) и был вынужден выбирать между наступательной и оборонительной стратегиями. Катар не имел большой свободы выбора и действовал через оборонительные коалиции. Именно интересы, а не религиозные дефиниции определяют связи Катара с Ираном. Хотя, казалось бы, Иран продвигает идею шиитского государства правоверных, а Катар проводит экспансионистскую политику суннитов салафитов. Несмотря на всю экзистенциальную противоположность этих религиозных доктрин, Иран и Катар поддерживают палестинскую группировку ХАМАС, ливанскую «Хезболла», ненавидят Саудовскую Аравию, совместно осваивают стратегическое месторождение природного газа.

С точки зрения Эр-Рияда, Катар перешёл «красную линию», когда стал не просто проводить самостоятельную политику и ставить под сомнение лидерство Саудитов в арабском мире, а начал развивать связи с Ираном – врагом КСА номер один. Правда, катарское Министерство иностранных дел предпочитает говорить о независимой политике посредничества в решении конфликтов. Якобы, эмират пострадал за то, что вздумал проводить активный независимый внешне-

⁶ Одной из причин выбора «наступательной» стратегии может быть и личный конфликт, не логика, а чувства игрока, особенно, когда речь идёт о политических системах с высокой концентрацией личной власти [Johnson Thayer, 2016: 11].

политический курс, участвовать в разрешении конфликтов по всему исламскому миру без оглядки на Эр-Рияд и Абу-Даби⁷.

Если посмотреть на причины конфликта не через призму личных отношений, обид и амбиций, то у «четвёрки» есть вполне реальные причины считать политику Катара враждебной. Катар действительно финансирует «Братев-мусульман». Эта исламская партия, захватившая власть в Египте в 2011 г., и, хоть и была разгромлена египетскими военными в 2013 г., но влияния своего не потеряла. Доха действительно имеет хорошие отношения с Тегераном, именно его ракеты запускают хуситы из Йемена по территории Саудовской Аравии. Именно Иран захватил несколько островов, которые ОАЭ считает своими. Не меньшую угрозу «дело Катара» представляет для регионального лидерства КСА. Можно вспомнить попытку Бахрейна в 2004 г. начать обсуждать с США двустороннее торговое соглашение за рамками ССАГПЗ и раздраженную реакцию на это Саудовской Аравии. За прошедшее десятилетие Эр-Рияду удалось добиться признания как ССАГПЗ, так и лидирующей роли в нём самих Саудитов. В 2013 г. США впервые приняли решение о продаже оружия ССАГПЗ как блоку⁸. В то же время при президенте Б. Обаме уважение к США у стран Залива девальвировалось, и Саудовская Аравия почувствовала себя настоящим хозяином арабской части Залива. В этой ситуации неподавленный «бунт Катара» против власти Эр-Рияда может быть плохим примером для других членов альянса. В международной политике не может быть вакуума власти. Как только одно государство теряет своё влияние, другие непременно этим воспользуются. В этом смысле интенции Катара совершенно естественны. Государства никогда не отказываются приобрести преимущества над соседом (любым соседом), особенно, если это приобретение власти по приемлемой цене, с приемлемыми издержками [Van Evera S. 1998]. Катар сделал свой выбор: он предпочёл политику самостоятельного игрока, который приобретает власть за пределами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива, оставив этот региональный союз с 36-ти летней историей в парализованном состоянии.

Блокада

20 мая 2017 г. президент США Д. Трамп посетил Саудовскую Аравию и заключил соглашение о поставках Эр-Рияду оружия на 110 млрд долл. с перспективой увеличения закупок в следующие 10 лет до 350 млрд долл. для «дальней-

⁷ На веб-сайте МИД Катара, как о несомненной заслуге, говорится о дипломатических и политических усилиях в разрешении более 10 региональных и международных конфликтов за последние восемь лет. Эти усилия включали, в частности «посредничество между группировками и странами по просьбе заинтересованных сторон и без вмешательства во внутренние дела в целях сближения мнений и поиска устойчивых решений конфликтов и разногласий». Примеры, конечно, тоже есть. Катарские пропагандисты причисляют к многочисленным успехам Дохи посредничество в достижении мирного соглашения по конфликту в Дарфуре, освобождении джибутийских военнопленных в Эритрее, освобождении заложников в Сирии, прекращении президентского кризиса в Ливане. Также Катар продолжает работать ради примирения между палестинцами и выступает посредником между движением «Талибан» и США. Ministry of Foreign Affairs of Qatar. Foreign Policy. Available at: <https://www.mofa.gov.qa/en/foreign-policy/preventive-diplomacy> (accessed 10.08.2018).

⁸ The White House, Office of the Press Secretary. 16.12.2013. "Presidential Determination – Gulf Cooperation Council." Available at: <https://obamawhitehouse.archives.gov/realitycheck/the-pressoffice/2013/12/16/presidential-determination-gulf-cooperation-council> (accessed 18.09.2018)

шей борьбы с терроризмом». Вместе с этим пакетом более 30 коммерческих сделок заключили крупнейшие компании: «Локхид Мартин», «Рейтеон», «Боинг», «Дженерал электрик», «Доу», «Ханиуэлл», «Эмерсон», «Алкоа» и «Сиско», что обещает ещё 270 млрд долл. саудовских инвестиций в американскую экономику. В конце визита прозвучал вроде бы дежурный призыв Д. Трампа заблокировать финансирование террора из Персидского залива⁹, а через четыре дня начался Катарский кризис. По версии Дохи, веб-сайт Катарского информационного агентства (*Qatar News Agency, QNA*) был взломан. Якобы, информационную атаку организовали ОАЭ¹⁰. На сайте было размещено сфабрикованное выступление главы государства Тамима бин Хамада Аль Тани, в котором он назвал Иран гарантом стабильности в регионе, обличал политику стран ССАГПЗ, направленную против Тегерана. Там же появилось фальшивое заявление МИД Катара об отзыве послов из пяти арабских стран, в том числе, из Саудовской Аравии и ОАЭ. Однако все эти сообщения были опровергнуты через несколько минут властями Катара.

После кибератаки КСА, ОАЭ, Бахрейн и Египет разорвали отношения с Катаром и обвинили его во враждебных их интересам связях с Турцией и Ираном, поддержке террористических группировок и дестабилизации ситуации во всём регионе. «Антикатарская четвёрка» выдвинула список из 13 требований, среди которых свёртывание отношений с Ираном, закрытие турецкой базы, прекращение связей с ливанской шиитской группировкой «Хезболла», закрытие новостной сети «Аль-Джазира». Требования Катар отверг. И ему была объявлена транспортная и торговая блокада. В октябре 2017 г. Бахрейн призвал заморозить членство Катара в Совете сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Как станет известно позже, КСА и ОАЭ стали готовиться к военной операции.

Кроме блокады, которая считается актом агрессии против суверенитета, за которым уже следует война, «четвёрка» попыталась запустить в самом Катаре «арабскую весну». СМИ Саудовской Аравии и ОАЭ «извлекли из небытия» невесть каких катарских «оппозиционеров» и попытались сыграть на племенных чувствах, ставя под сомнение легитимность катарского монарха. За несколько дней до дипломатического разрыва с Катаром 5 июня 2017 г. саудовские и эмиратские газеты опубликовали интервью с неким Саудом Бен Насером Аль-Тани (неизвестным родственником правящей фамилии Аль-Тани), пообещавшим добиваться власти после создания оппозиционной политической партии со штаб-квартирой в Лондоне. ОАЭ активно продвигали другого «оппозиционного лидера», Халида Аль-Хаила, который без устали давал пресс-конференции в Лондоне и в Вашингтоне¹¹. Однако, такой подход к изменению баланса сил че-

⁹ White House Press Briefing on President Trump's Visit to Saudi Arabia, U.S. Embassy & Consulates in Saudi Arabia. 30.05.2017. Available at: <https://sa.usembassy.gov/white-house-press-briefing-president-trumps-visit-saudi-arabia/> (accessed 18.09.2018).

¹⁰ DeYoung K., Nakashima E. UAE orchestrated hacking of Qatari government sites, sparking regional upheaval, according to U.S. intelligence officials // The Washington Post, 16.07.2017. Available at: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/uae-hacked-qatari-government-sites-sparking-regional-upheaval-according-to-us-intelligence-officials/2017/07/16/00c46e54-698f-11e7-8eb5-cbcc2e7bfbf_story.html?utm_term=.6d4bab24ec3b (accessed 14.12.2018).

¹¹ How 2 Gulf Monarchies Sought to Influence the White House // The New York Times, 21.03.2018. <https://www.nytimes.com/2018/03/21/us/politics/george-nader-elliott-broidy-uae-saudi-arabia-white-house-influence.html> (accessed 08.09.2018).

рез ослабление влияния Катара на основе так называемой «демократической теории сдерживания» не имел успеха. Причин этому две: совершенно не «демократическая» авторитарно контролируемая политическая система Катара и высокий уровень жизни коренного населения эмирата. Поэтому объявление блокады и, как потом станет известно, подготовка военной операции против Дохи можно считать классической стратегией наступательного реализма.

Катар «переводит стрелки»

Любое государство в ситуации Катара может реагировать на угрозу, по крайней мере, тремя способами:

- перераспределить ресурсы, уже находящиеся под его контролем, чтобы дать отпор агрессии;
- попробовать снять угрозу путём переговоров и компромисса;
- попытаться использовать ресурсы других государств [Powell R. 1999].

В условиях несомненного превосходства сил и ресурсов «четвёрки» о прямом ответе со стороны Катара речи идти не могло. Скорее, его действия могут быть описаны стратегией «оборонительного реализма», которая предполагает усиление своей позиции за счёт издержек атакующей стороны путём вовлечения внешних игроков и передачи им «ответного хода» по отношению к противнику [Waltz K. N. 1990: 34]. Первой страной, которую использовал Катар, были США.

На Ближнем Востоке без США ничего не решается, а тем более в Персидском заливе. Изначально президент Д. Трамп встал на сторону Саудовской Аравии и ОАЭ, обвинив Катар в мягкости по отношению к терроризму и даже в финансовых связях с организациями, признанными Соединёнными Штатами террористическими. Однако бывший тогда госсекретарём Р. Тиллерсон повёл дело к поиску переговорных механизмов для урегулирования кризиса¹². Почувствовав поддержку Вашингтона, в Дохе осмелели настолько, что уже в августе 2017 г. вернули своего посла в Иран¹³. А в январе 2018 г. Трамп почти полностью отказался от обвинений Катара в связях с террористами, сделанных в июне 2017 г., и публично поблагодарил Тамима бин Хамада Аль Тани за поддержку в борьбе с терроризмом¹⁴.

Успех плана Тиллерсона объяснялся двумя причинами. Во-первых, новой страницей отношений Катара с США стало подписание в январе 2018 г. Меморандума о взаимопонимании, провозгласившего ежегодный «Стратегический диалог» (*Joint Statement of the Inaugural United States-Qatar Strategic Dialogue*), посвящённый партнёрству в сферах обороны, торговли и инвестиций, борьбы с экстремизмом и терроризмом. Катар щедро отблагодарил США. Выгоды от военного сотрудничества с Дохой составили 24,7 млрд долл. («приобретение современных военных систем и проведение интенсивной подготовки на американ-

¹² Qatar blockade: Gulf states silent on Tillerson plea to ease measures // BBC, 10.06.2017, Available at: <https://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-40232856> (accessed 25.08.2018).

¹³ Qatar Announces Return of its Ambassador to Tehran. Ministry of Foreign Affairs, 23.08.2017, Available at: <https://www.mofa.gov.qa/en/all-mofa-news/details/2017/08/23/qatar-announces-return-of-its-ambassador-to-tehran> (accessed 15.08.2018).

¹⁴ Trump meets Qatar's emir today. But efforts to resolve the Persian Gulf dispute have already stalled // The Washington Post, 10.04.2018. Available at: https://www.washingtonpost.com/news/monkey-cage/wp/2018/04/10/trump-meets-qatars-emir-today-but-efforts-to-resolve-the-persian-gulf-dispute-have-already-stalled/?utm_term=.86ab206a0756 (accessed 15.08.2018).

ских объектах»). В совместном документе говорилось о благодарности правительству Катара; особо было отмечено, что эти заказы создадут в США более 110 000 рабочих мест. Также в Вашингтоне приветствовали предложение Катара расширить военные объекты на американских базах, а также взять на свой счёт расходы по их содержанию.

В свою очередь по итогам «Стратегического диалога» Доха получила от Вашингтона осуждение «экстремизма» против самого эмирата. Прямо говорилось о необходимости немедленного решения кризиса в Заливе на основе уважения суверенитета Катара. Отмечалась роль Вашингтона в посредничестве, и в поддержке усилий эмира Кувейта, который не занял столь враждебную позицию по отношению к Катару¹⁵. США также выразили готовность сотрудничать с Дохой «в сдерживании и противодействии внешней угрозе территориальной целостности Катара, несовместимой с Уставом ООН». Было сказано и о роли американских компаний в развитии Катара. И самое важное для Дохи – упоминание о сохранении свободы судоходства, полёта и беспрепятственной торговли в соответствии с международным правом.

Таким образом, Катар спрятался за спину США от гнева «четвёрки», надеясь таким образом «купить» место в списке американских интересов выше, чем у противников. В оплату услуг США были обещаны дальнейшие инвестиции в американский энергетический сектор. Министр энергетики США Ричард Перри заявил, что инвестиции в США от таких стран как Катар, помогут достичь цели президента Трампа по доминированию в мировой энергетике. Одним из таких проектов стал «Голден пасс» (*Golden Pass*) в Техасе, где Катар финансирует строительство завода для сжижения газа совместно с американской компанией для дальнейшего экспорта¹⁶.

«Весна» в отношениях Вашингтона и Дохи продолжилась с открытием 1 февраля 2018 г. Международного форума Персидского залива (*The Gulf International Forum*), который стал постоянно действующим катарским «мозговым центром». На мероприятии выступил бывший посол США в Катаре Патрик Терос, он же советник «мозгового центра», он же заместитель председателя Национального (катарского) пресс-центра¹⁷. 11 апреля 2018 г. шейх Катара Тамим Бен Хамад Аль Тани удостоился встречи с президентом США Д. Трампом.

За строительством этого впечатляющего фасада будущего американо-катарских отношений разворачивалась ещё и массивная лоббистская кампания, оплаченная Дохой. Лоббирование Катаром различных вопросов в коридорах американской власти происходило и раньше, но относилось в основном к Капитолию, к вопросам обороны и поставок оружия, или катарского бизнеса. В 2015 г. Катар истратил 920 тыс. долл. на лоббирование вопросов, связанных с со-

¹⁵ Joint Statement of the Inaugural United States-Qatar Strategic Dialogue, U.S. Embassy in Qatar; Available at: <https://qa.usembassy.gov/joint-statement-inaugural-united-states-qatar-strategic-dialogue/> (accessed 23.07.2018).

¹⁶ Big oil, gas investments coming to US via Middle East, Perry says // Washington Examiner, 28.06.2018. Available at: <https://www.washingtonexaminer.com/policy/energy/big-oil-gas-investments-coming-to-us-via-middle-east-perry-says> (accessed 15.07.2018).

¹⁷ Allen-Ebrahimian, B., Dubin R. Qatar's Ramped-Up Lobbying Efforts Find Success in Washington // Foreign Policy, 06.02.2018. Available at: <https://foreignpolicy.com/2018/02/06/qatars-ramped-up-lobbying-efforts-find-success-in-washington/> (accessed 15.08.2018).

трудничеством в вопросах обороны и военным присутствием ВС США, в 2017 г. и 2016 г. – по 400 тыс. долл., в первом квартале 2018 г. – 100 тыс. долларов¹⁸.

С началом кризиса в Заливе лоббирование вопросов военного сотрудничества отошло на задний план, а на первое место вышли инвестиции в политические решения, в связи и влияние Катара в Белом доме. К октябрю 2017 года эмират потратил на политический пиар и взаимодействие с органами власти (*Government Relations*) около 4,7 млн долл. Для сравнения, с 2012 г. по июнь 2017 г. Доха истратила только 6,5 млн долл.¹⁹ Всплеск активности в найме лоббистов начинается в конце июня именно после объявления блокады. Если с января по июнь 2017 г., Катаром было нанято 8 фирм, то к концу года их было уже 36. В их числе фирма «Эшкрофт» (*Ashcroft*), основанная бывшим Генеральным прокурором США Дж. Эшкрофтом, а также известная на рынке подобных услуг «Авеню стратеджиз глобал» (*Avenue Strategies Global*). Это лоббистская фирма бывшего менеджера президентской кампании Д. Трампа К. Левандовски, в которой числится партнёром и А. Эстопинан, бывший руководитель аппарата конгрессмена И. Рос-Лехтинен. Ещё одна лоббистская компания из катарского пула, «Баллард партнерс» (*Ballard Partners*), известна тем, что в своё время сам Трамп пользовался её услугами.

По данным Министерства юстиции США, куда поступали отчёты нанятых Катаром фирм (они отчитывались как иностранные агенты)²⁰, чаще всего исполнитель брал обязательство «предоставлять Посольству Катара услуги по связям с правительством в отношении двусторонних вопросов, касающихся отношений между Катаром и США», включая «работу с Конгрессом США, представителями исполнительной власти и руководителями деловых кругов»²¹. На улучшение отношений должна была повлиять информационная кампания в американских СМИ. Консультанты попытались представить катарский кризис, как стремление консервативных монархий Залива подавить идущую путём перемен успешную и независимую Доху, возглавляемую молодым реформатором. В ответ враги скомпрометировали эмират при помощи иностранных хакеров.

План примирения Тиллерсона предполагал ряд тщательно спланированных встреч. Сначала президент Д. Трамп должен был встретиться отдельно с Саудовским наследным принцем Мухаммедом Бен Сальманом и наследным принцем Эмиратов Мухаммедом Бен Заидом. И только затем планировалась встреча с катарским эмиром. В Госдепартаменте рассчитывали, что эти три двусторонние встречи подготовят примирение между конфликтующими сторонами на заседании лидеров стран Персидского залива в Кувейте в конце апреля 2018 г., с подписанием итогового документа майском саммите в Кэмп-Дэвиде.

¹⁸The Senate Office of Public Records. Available at:

<https://soprweb.senate.gov/index.cfm?event=getFilingDetails&filingID=8DB08FC0-72E6-48ED-83E9-CCAA76D02AD0&filingTypeID=51>; (accessed 15.08.2018).

¹⁹ Qatar Spent Nearly \$5 Million on U.S. Influence Campaigns Following its Isolation by Saudi Coalition, The Center for Responsive Politics, 13.10. 2017. Available at:

<https://www.opensecrets.org/news/2017/10/qatar-spent-5-million-on-influence/> (accessed 15.08.2018)

²⁰ U.S. Department of Justice, Foreign Agents Registration Act. Available at:

<https://efile.fara.gov/pls/apex/f?p=181:130:0::NO::> (accessed 10.08.2018).

²¹ веб-сайт Министерства Юстиции США, база регистраций в соответствие с Законом о регистрации иностранных агентов. U.S. Department of Justice, Foreign Agents Registration Act. Available at:

https://efile.fara.gov/pls/apex/f?p=181:200:0::NO:RP,200:P200_REG_NUMBER,P200_COUNTRY:6497,QATAR (accessed 25.08.2018).

«Четвёрка» делает ответный ход

Однако «дорожная карта урегулирования» неожиданно дала сбой. Впервые, Мохаммед бин Заид, представлявший ОАЭ, отказался первым что-то обсуждать, как первоначально планировалось. Он пожелал приехать в Вашингтон после всех, чтобы последнее слово осталось за ним, а не за Катаром. План последовательных консультаций Вашингтона с главами «четвёрки», а затем организация прямых переговоров с подписанием итогового документа, зашёл в тупик. Кропотливый дипломатический подход Р. Тиллерсона закончился его увольнением 13 марта Д. Трампом через Твиттер. В Эр-Рияде и Абу-Даби отставку Р. Тиллерсона приветствовали. Назначение на его должность директора ЦРУ М. Помпео тоже оказалось приятной новостью для КСА и ОАЭ, поскольку он известен как политический «ястреб», чьи взгляды на «Братьев-мусульман» и Иран совпадают с их собственными.

По имеющимся данным Саудовская Аравия и Объединённые Арабские Эмираты воспользовались не только услугами лоббистов, но и связями с близкими к Трампу бизнесменами, и через них могли повлиять на решение президента сменить Тиллерсона²². Эр-Рияду и Абу-Даби очень не понравилось, что Госдепартамент заблокировал военную операцию против Дохи, которую можно считать лучшей демонстрацией «наступательного» реализма. Одним из рычагов влияния «четвёрки» в Белом доме стал Б. Эллиот, организовывавший сбор средств на кампанию Д. Трампа и связанный с ОАЭ собственными проектами. Его взломанная электронная переписка с Д. Трампом демонстрирует, что он убеждал президента США «прихлопнуть» Тиллерсона²³.

Но, возможно, более весомым фактором в увольнении Р. Тиллерсона стало желание президента Трампа разорвать ядерную сделку с Ираном, которую Тиллерсон старался сохранить²⁴. Очевидно, что на фоне исторического противостояния США с Ираном, катарский конфликт с соседями выглядел лишь деталью. В этом смысле Саудовская Аравия, которая ведёт с Ираном прокси-войну в Сирии, Ливане, Йемене, Бахрейне, получала весомый выигрыш, а Катар – наоборот. Объявление Тегерана изгоем может рассматриваться и как предостережение эмирату.

Изменение баланса сил

Спустя полтора года после начала кризиса можно дать оценку стратегиям участников и их результатам. Выдвинутые «четвёркой» 13 требований к Катару, в

²² UAE linked to efforts to get Donald Trump to fire Rex Tillerson over Qatar support, reveal emails, The Independent, 06.03.2018. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/world/middle-east/trump-uae-rex-tillerson-fire-qatar-support-united-arab-emirates-middle-east-emails-a8242411.html> (accessed 16.08.2018).

²³ Emails show UAE-linked effort against Tillerson // BBC News, 05.03.2018; <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-43281519> (accessed 18.09.2018).

²⁴ 8 мая 2018 года президент США Д. Трамп объявил о выходе из соглашения по ядерной программе Ирана (Совместный всеобъемлющий план действий - СВПД; англ. Joint Comprehensive Plan of Action, сокр. JCPOA; перс. *برنامه جامع اقدام مشترک*), которое было заключено в 2015 году между Ираном, с одной стороны, и США, Россией, КНР, Великобританией, Францией, Германией – с другой, с целью ограничения иранской ядерной программы в обмен на отказ мирового сообщества от санкций против Ирана. Выход США из СВПД означает возврат санкций в отношении иранской экономики, как минимум, со стороны Вашингтона.

том числе, прекращение отношений с Ираном, закрытие всех информационных ресурсов «Аль-Джазирь», остались проигнорированными. Отношения с Ираном продолжали развиваться. Катар не испытал критических проблем, которые планировали Объединённые Арабские Эмираты и КСА. Хотя Министерство иностранных дел и международного сотрудничества ОАЭ давало гражданам Катара две недели для выезда из страны, депортации по истечении 14-дневного срока не последовало²⁵. То же можно сказать о воздушной и морской блокаде. Страны «четвёрки» разорвали дипломатические отношения с Дохой, прекратили авиасообщение, запретили катарским судам заходить в свои порты, но полноценную блокаду они организовать не решились. Не было запрета пролёта в Катар самолётов других стран, морская блокада практически отсутствует. Лидеры «четвёрки» довольно быстро задумались: перевесят ли «плоды блокады» издержки по её проведению. Хотя, например, собственного сельскохозяйственного производства в Катаре нет, и морская блокада поставила бы эмират на колени.

Но Катар в ответ ускорил локализацию части производства на своей территории, перестроил логистику внешнеэкономических связей. Объёмы торговли между Катаром и Оманом в 2017 г. выросли на 144%, значительно увеличилась двусторонняя торговля с Ираном, Турцией и Пакистаном [Kumar S. 2018]. Турция в первые месяцы блокады поставляла в Доху продовольствие самолётами. И, разумеется, закрытия турецкой военной базы от Катара не добились. Попытка поставить предел растущему влиянию Катара вызвала с его стороны только активность в поисках противовесов.

"*Buck-passing*" эмирата через США был рассчитан не только на катарские миллиарды. Во-первых, в Вашингтоне не были заинтересованы в каких-то проблемах (даже логистических) для своей военной базы в Аль-Удейде, где находится один из четырёх Центров управления воздушными и космическими операциями Центрального командования. А что было бы в случае военной операции «четвёрки» против режима Катара, трудно представить. Во-вторых, для США решение принять сторону «четвёрки» вытолкнуло бы Катар на поле самостоятельной политической игры. Турция и Иран – только начало. «Оборонительный реализм» Катара состоял и в том, что Вашингтону открывалась перспектива дальнейшего сближения Дохи с Тегераном в случае согласия Белого дома с требованиями «четвёрки»²⁶. Это означало бы ослабление антииранской политики США. Настоящим подарком режиму аятолл могло стать именно подталкивание Дохи в объятия Тегерана, особенно в перспективе возврата американских санкций, которыми Трамп стал всерьёз угрожать с 2017 года.

Можно сказать, что сейчас обе стороны конфликта придерживаются концепции, известной как баланс между нападением и обороной [Jervis R 1978, Snyder J. L. 1991]. Доха продолжает стратегию «оборонительного реализма» и демонстрирует, что готова использовать новые страны для смещения баланса сил в свою пользу. Если сначала ими были Иран и Турция, то потом против блокады Катара выступила Великобритания. На встрече в Лондоне премьер-министр Великобритании Т. Мэй убеждала наследного принца Саудовской

²⁵ UAE says taken no measures to remove Qataris since boycott // Gulfbusiness, 05.07.2018.

<http://gulfbusiness.com/uae-says-taken-measures-remove-qataris-since-boycott/> (accessed 08.09.2018).

²⁶ Gulf states considering plans to bring end to Saudi-led Qatar boycott // The Guardian, 06.03.2018. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2018/mar/06/gulf-states-plans-end-saudi-arabia-qatar-boycott?> (accessed 08.09.2018).

Аравии, что блокада не поставила Катар на колени и не привела к смене режима, но бесспорно вредна для бизнеса в Заливе²⁷. Затем активизировались отношения Катара с Пакистаном (обвиненным США в пособничестве терроризму). А теперь Доха даёт понять, что противовесом могут стать и более влиятельные игроки, например, Россия. Впервые за всю историю двусторонних отношений в октябре 2017 г. стороны подписали контракт на поставку российских вооружений. Доха приобретает стрелковое оружие, в том числе автоматы Калашникова, гранатомёты и пулемёты, а также противотанковые ракетные комплексы «Корнет». Планируется открытие в Дохе и в Москве аппаратов военных атташе. КСА и ОАЭ расценивают всё это, как очередной вызов со стороны Дохи, но особенно – переговоры о закупке наиболее современного российского зенитно-ракетного комплекса С-400²⁸. Саудовская Аравия тут же пригрозила Катару применением военной силы, как только С-400 будет доставлен из России²⁹.

Со стороны Дохи это явный сигнал о возможном вовлечении новых глобальных игроков и продолжении смещения баланса сил (ballansing) против агрессивного противника на более высоком уровне [Walt S.M. 1987]. Если США нарушат баланс в пользу Саудитов или ОАЭ, то Катар может достать из рукава ещё одну неожиданную карту, куда более неприятную для Вашингтона, чем Турция – это Китай. Китай ищет возможность контроля Персидского залива и рассматривает возможность размещения своей военно-морской базы в Катаре. Поднебесная получает до 60% энергоносителей через Персидский залив. Такое предложение будет особенно интересно Пекину, если отношения США и КНР будут сползать к конфронтации из-за территориальных претензий Китая на острова в Южно-Китайском море. Важно отметить, что угроза смещения баланса сил может быть как реальной, так и представляемой в ожиданиях действий соперника [Van Evera S. 1998]. Например, лишь разговоры о возможной закупке С-400 у России вызвали моментальную реакцию противников Катара.

Доха продолжает закупки оружия на Западе. В 2017 г. заключены две крупнейшие сделки: покупка у Италии семи боевых кораблей на сумму 5,9 млрд евро³⁰ и приобретение истребителей F-15 у США на сумму 12 млрд долл.³¹ С учётом всех остальных закупок расходы на вооружения составили 24 млрд долл. С одной стороны, эти приобретения можно расценивать, как желание Дохи выглядеть богатым заказчиком (ценным клиентом), нежели приготовление к активному вооружённому отпору. С другой стороны, взгляд на ВС Катара как на слабую в военном отношении силу, требует важного уточнения: слабую в срав-

²⁷ Gulf states considering plans to bring end to Saudi-led Qatar boycott // The Guardian, 06.03.2018 <https://www.theguardian.com/world/2018/mar/06/gulf-states-plans-end-saudi-arabia-qatar-boycott?>

²⁸ Катар купит у России автоматы, гранатометы и комплексы «Корнет» // Российская газета, 23.07.2018. Available at: <https://rg.ru/2018/07/23/katar-kupit-u-rossii-avtomaty-granatometry-i-kompleksy-kornet.html> (accessed 25.08.2018).

²⁹ L'Arabie saoudite menace le Qatar d'une «action militaire» s'il se dote de missiles S-400 // Le Monde, 01.06.2018. Available at: https://www.lemonde.fr/proche-orient/article/2018/06/01/l-arabie-saoudite-menace-le-qatar-de-represailles-militaires-s-il-se-dote-de-missiles-s-400_5308285_3218.html (accessed 21.08.2018).

³⁰ Qatar buys F-15 fighter planes in billion-dollar US deal // BBC, 15.06.2017. Available at: <https://www.bbc.com/news/world-middle-east-40287570> (accessed 23.08.2018).

³¹ Qatar purchases warships from Italy in \$5.9 billion deal // UK Defence Journal, August 6, 2017, Available at: <https://ukdefencejournal.org.uk/qatar-purchases-warships-italy-5-9-billion-deal> (accessed 25.08.2018).

нении с кем? Судя по отсутствию больших успехов в войне с хуситами в Йемене, армии КСА и ОАЭ тоже не выглядят слишком сильными.

Военное или экономическое сотрудничество Дохи с крупными игроками, которые могут иметь интересы, не совпадающие с интересами соседей эмирата – эта стратегия дала результат и заставила монархии Залива считаться с Катаром. Доха и дальше, следуя этой стратегии, будет менять баланс сил в регионе, девальвировать мощь своих не очень дружелюбных соседей. Это потребует от США постоянного внимания, чтобы корректировать соотношение сил между конфликтующими сторонами, держа соперников в разных углах.

Однако в случае какого-либо серьёзного регионального конфликта, если стороны будут втянуты в противостояние на стороне разных коалиций – это касается и самих США – баланс будет утерян. Теоретически такие конфликты уже просматриваются. Во-первых, Катар может не остаться в стороне, если КСА попытается решить быстро и бесповоротно исход гражданской войны в Йемене массированным вторжением. А главным противником возглавляемых Саудовской Аравией коалиционных сил являются проиранские хуситы. Во-вторых, Катар может стать более «легкой целью» для ОАЭ и КСА, если США решатся нанести удар по Ирану. «Наступательный реализм» берёт верх, и использование силы более вероятно, если есть факторы, облегчающие нападение [Van Evera S. 1998]. Очевидно, что катарский дипломатический кризис далёк от разрешения и имеет шансы со временем перейти на новый уровень противостояния, близкий к вооружённому конфликту.

Влияние «оборонительной» и «наступательной» стратегии на безопасность

Возвращаясь к вопросу о сравнительной эффективности двух подходов – «наступательного» и «оборонительного» реализма – на примере катарского кризиса можно сделать следующие выводы. Стратегия «оборонительного» реализма действительно позволяет смещать баланс сил в свою пользу с меньшими затратами за счёт побочных издержек, к которым ведёт максимизация власти противником. Но, что характерно, после купирования угрозы блокады, Катар не ставит своей целью восстановление статус-кво, он продолжает пытаться сместить баланс в свою пользу, демонстрируя «наступательность». В этом смысле «оборонительный» реализм Дохи реалистичнее «наступательного» реализма Эр-Рияда и Абу-Даби.

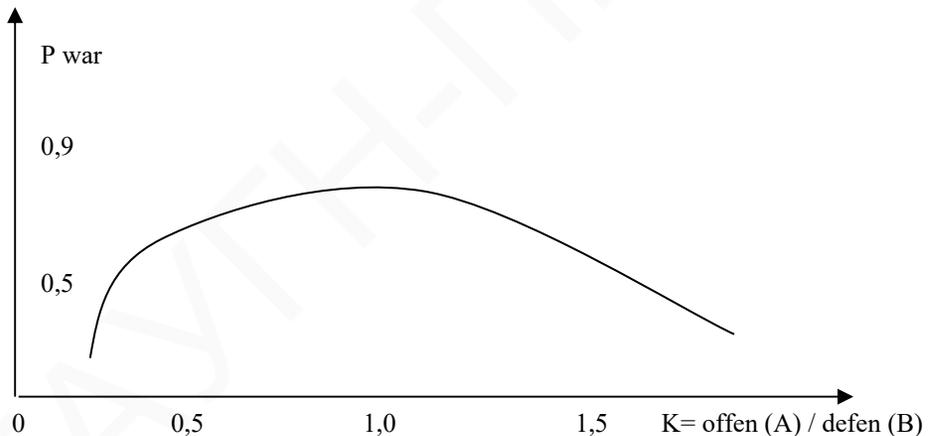
На самом деле оба подхода представляют собой разные стороны одной стратегии. Всё определяется соотношением сил в рассматриваемом противостоянии. Слабые государства могут сталкиваться с «наступательной» стратегией, когда агрессивное поведение не сопряжено со значительными усилиями и рисками, и выгоды кажутся больше издержек [Van Evera S. 1998]. Именно так можно охарактеризовать агрессию Ирака против Кувейта в 1990 году. В качестве приобретения С. Хусейн надеялся на новые месторождения нефти, расширение выхода к Персидскому заливу (во время войны с Ираном Ирак терял выход к Заливу в 1983–1985 гг.), избавлялся от необходимости возвращать Кувейту огромные займы, взятые на войну с Ираном. Лидер Ирака не видел больших рисков. США поддерживали его в войне с Ираном. Нападение произошло без предварительного противостояния, внезапно и стало полной неожиданностью для остального

мира. Аналогичный кейс³² «лёгкой добычи» – нападение нацистской Германии на Чехословакию в 1938 г., но с другим итогом. Расчёт агрессора на невмешательство больших игроков оказался верным.

Напротив, в случае более сильного соперника выгодна оборонительная стратегия «перебалансировки сил», истощения ресурсов игрока, желающего доминировать. Мы видим, что затраты саудовской коалиции в перебалансировке оказались чувствительными и в будущем могут обесценить выгоды доминирования, особенно если это совпадёт с падением цен на нефть и новым рекордом дефицита бюджета КСА. Для более слабого игрока оборонительная стратегия с использованием третьей стороны (*buck-passing*) будет однозначно выгодней.

В чистом виде стратегия «наступательного» реализма представляется осуществимой, пожалуй, лишь, в случае сверхдержавы, окруженной более слабыми противниками, когда разница в потенциалах настолько велика ($A > n \times B$), что делает бессмысленными попытки слабого игрока к конкурентному поведению вообще. А заведомо сильный противник обеспечивает свои интересы, через запугивание, для чего иногда прибегает к показательным акциям (агрессия США против Гренады в 1983 г.). Эту зависимость – между вероятностью войны (P_{war}) и соотношением наступательных и оборонительных интенций игрока А и игрока В ($K = \text{offen}(A) \setminus \text{defen}(B)$) можно выразить в виде кривой на рис. 1.

Рисунок 1. Зависимость вероятности войны от соотношения наступательной (сторона А) и оборонительной (сторона В) активности, при условии значительной разности потенциалов ($A > n \times B$).

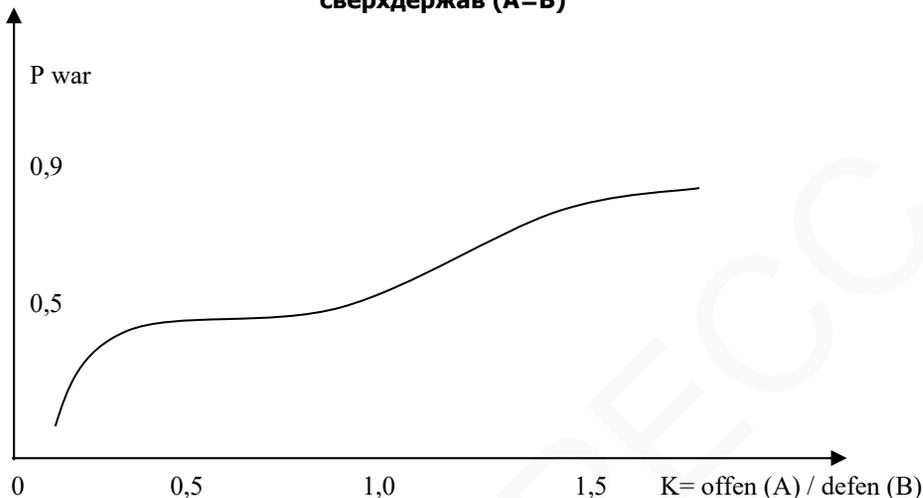

В то же время противостояние с равным противником, зеркально использующим «наступательный» подход и обеспечение безопасности за счёт максимизации собственной мощи, также может приводить к стабильным состояниям на среднем уровне вероятности войны. Это продемонстрировано полувековым противостоянием США и СССР, известным как холодная война. В этом случае зависимость вероятности войны от активности проведения «наступательной» и

³² Кейс, метод кейсов (*case method*), метод конкретных ситуаций, метод ситуационного анализа – исследовательский приём, использующий описание реальных экономических, социальных, политических и бизнес-ситуаций и предполагающий детальное изучение ситуации, разбор сути проблемы, нахождение возможных решений и выбор лучших из них. Кейсы основываются на реальном фактическом материале или максимально приближены к реальной ситуации. – Ред.

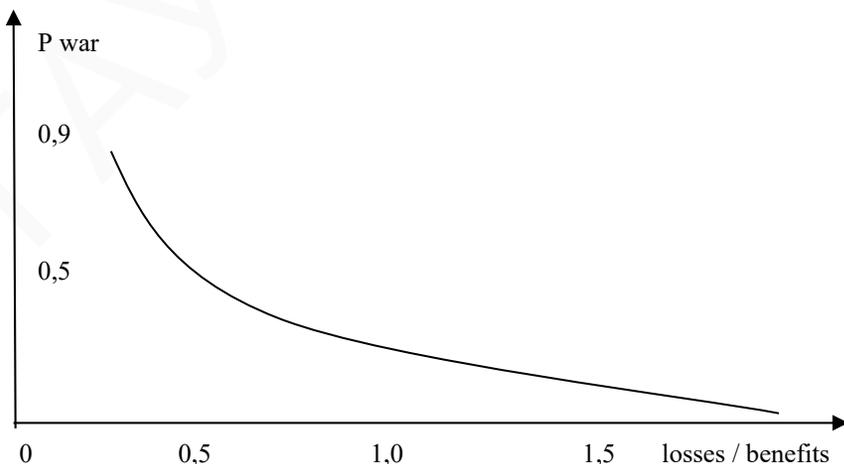
«оборонительной» стратегий противников может быть отражена кривой на рис. 2.

Рисунок 2. Зависимость вероятности войны от активности проведения "наступательной" и "оборонительной" стратегий приблизительно равных сверхдержав (A=B)

Важно отметить, что приведённые зависимости вероятности войны соответствуют некому условно измеренному параметру – отношению приобретений и убытков в случае реализации «наступательной» стратегии. Восприятие и цены, и риска ошибки может серьёзно отличаться в случае коллективного и авторитарного принятия решений. В общем виде вероятность войны уменьшается с ростом затрат по отношению к приобретениям, ($Price = losses / benefits$), что приведено на рис. 3.

Рисунок 3. Зависимость вероятности войны от цены последствий, т.е. затрат по отношению к приобретениям $Price = losses / benefits$, в случае коллективных / демократических процедур принятия решений

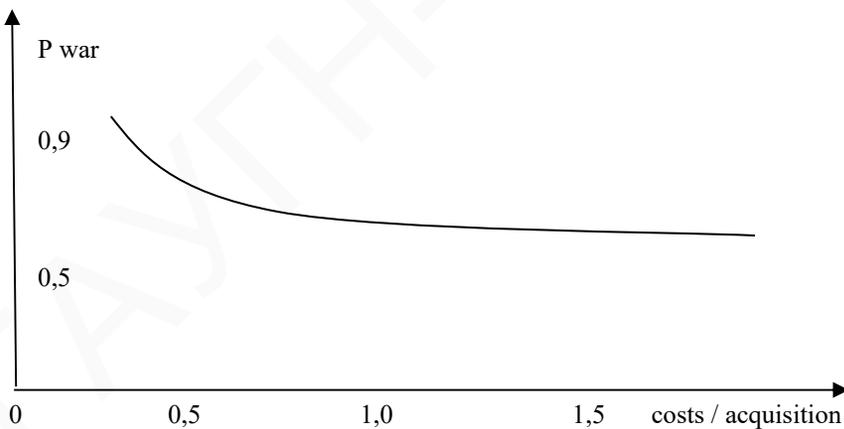

Для авторитарных режимов цена последствий развязывания войны может оказаться приемлемой, в то время как принятие решений, например, в демократических политических системах может привести к противоположным результатам. Недавний пример – решения об ударе по Сирии странами Запада. В 2013 г. британский парламент отклонил запрос премьер-министр Дэвида Кэмерона о военной операции, также одобрения на атаку не получил от Конгресса и президент США Б. Обама. В 2017 г. и 2018 г. президент США Д. Трамп уже не стал обращаться к Конгрессу и отдал приказ об ударе по Сирии, воспользовавшись собственными полномочиями.

Противоположный пример – война между Ираном и Ираком (1980–1988 гг.), развязанная лидерами двух стран. Несмотря на то, что первым напал Ирак, к войне готовились обе стороны. Иран после исламской революции 1979 г., ведомый аятоллой Хомейни, готовился к распространению исламской революции на Ирак, где почву для этого давала большая часть шиитского населения. Со своей стороны, С. Хусейн старался упредить нападение и отвоевать у Ирана богатую нефтью провинцию Хузестан [Razoux P. 2015]. Обе стороны не считались с потерями, которые составили с обеих сторон около 800 тыс. погибших. Огромный ущерб был нанесён экономике двух стран. Убытки Ирака составили 342 млрд долл., и на 110 млрд долл. увеличился его внешний долг [Razoux P. 2015: 573]. Иран потерял около 645 млрд долл. [Razoux, 2015, p. 574]. Ни одна из сторон не достигла своих целей.

Для «кейса» авторитарных режимов зависимость вероятности войны от цены ожидаемых последствий может быть выражена кривой на рис. 4.

Рисунок 4. Зависимость вероятности войны от цены ожидаемых последствий (для авторитарных политических систем)

В этом случае желание вступить в войну будет менее чувствительно к «цене» последствий. При коллективном принятии решения цена последствий будет иметь большее значение.

В случае катарско-саудовского кризиса различные стратегии представляют собой лишь теоретический инструментарий. На принятие решения будут влиять два важных соображения. Первое – сущность конфликта интересов, т.е. насколько интересы участников принципиально расходятся или могут быть согласованы, и насколько это затрагивает интересы сверхдержавы/сверхдержав.

Между Катаром и «четвёркой» ни религиозного, ни идеологического, ни территориального или какого-то иного системного противостояния нет. Если исключить из анализа обиды и разногласия монархических семейств, то Катар, очевидно, не устраивает его место в системе региональных отношений. Не устраивает сложившийся порядок согласования своей политики с региональным гегемоном. «Агрессивную» – против интересов Саудовской Аравии и Абу-Даби – политику следует рассматривать в первую очередь, как сигнал к «сдаче карт» по новому. Это не попытка устранить Саудовскую Аравию с политической сцены, или произвести смену режима. В этом ошибка интерпретации, лежащая в основе «дилеммы безопасности» для КСА. Для Катара ошибка в интерпретации действий своих противников также имеет место. Блокада совершенно не означает войну на уничтожение. Это нервное решение, в чём-то паническое, предпринятое для острастки – отчаянная попытка Эр-Рияда сохранить место и власть в региональной системе безопасности. После разграничения сфер влияния, установления новых правил и гарантий их соблюдения на основе точек совпадения интересов перспектива может быть вполне бесконфликтной.

Второе, что влияет на развитие конфликта по оборонительному или наступательному сценарию – способность КСА уравнивать (нейтрализовать) действия Катара через третьи страны. У Катара есть для этого широкий набор вариантов: Иран, Турция, Пакистан, США, Россия. А Эр-Рияд продемонстрировал только *buck-passing* через Вашингтон. Очевидно, что, если Саудовская Аравия найдёт чувствительную точку катарских интересов (например, в экспорте катарского газа), то сможет эффективно контролировать Катар через «оборонительные» противовесы, и всё это лишь в одном случае – при условии одобрения США действий своих клиентов.

References

- Aims // Security Studies, Vol. 6, No. 4: 1-49. Available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/09636419708429321?journalCode=fst20> (accessed 16.12.2018).
- Jervis R. 1978. Cooperation under the Security Dilemma, *World Politics* 30, No. 2, pp. 167-214. Available at: <https://www.studocu.com/en/document/studocu-university/studocu-summary-library/summaries/jervis-cooperation-under-the-security-dilemma-summary/1043919/view> (accessed 16.12.2018).
- Johnson D. P., Thayer B. A. 2016. The Evolution of Offensive Realism: Survival under Anarchy from the Pleistocene to the Present // *Politics*, Vol. 35, Issue 1, p. 1-26. Available at: <https://www.cambridge.org/core/journals/politics-and-the-life-sciences/article/evolution-of-offensive-realism/56B778004187F70B8E59609BE7FEE7A4> (accessed 16.12.2018).
- Kumar, S. 2018. Surge in Qatar-Oman Trade // *The Peninsula*, 30.01.2018. Available at: <https://www.thepeninsulaqatar.com/article/30/01/2018/Surge-in-Qatar-Oman-trade> (accessed 05.08.2018).
- Labs E. J. 1997. Beyond Victory: Offensive Realism and the Expansion of War
- Lynn-Jones S. M. 1995. Offense-Defense Theory and Its Critics, *Security Studies* Vol. 4, No. 4, p. 660-91.

Mearsheimer J. 2001. *The Tragedy of Great Power Politics*, New York: W. W. Norton & Company, 576 p.

Powell R. 1999. *In the Shadow of Power: States and Strategies in International Politics*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 320 p.

Razoux P. 2015. *The Iran-Iraq War*. Translated by Elliott N. Belknap Press: An Imprint of Harvard University Press, 688 p.

Schweller. R. L. 1996. Neorealism's Status-Quo Bias: What Security Dilemma? // *Security Studies*. Vol. 5, No. 3, p. 90-121.

Snyder J. L. 1991. *Myths of Empire: Domestic Politics and International Ambition*. Ithaca, NY, Cornell University Press, 344 p.

Van Evera S. 1998. *Offense, Defense, and the Causes of War* // *International Security*, Vol 22, No 4, p. 5-43. Available at: <https://deskbounded.wordpress.com/2016/01/30/stephen-van-evera-offense-defense-and-the-causes-of-war-international-security-vol-22-no-4-spring-1998-pp-5-43/> (accessed 16.12.2018).

Walt S. M. 1987. *The Origins of Alliances*. Ithaca, NY: Cornell University Press, 336 p.

Waltz K. 1990. Realist Thought and Neorealist Theory, *Journal of International Affairs*, Vol. 44, Issue 1 p. 21-37.

Waltz K. N. 1979. *Theory of International Politics*. McFrow-Hill, 256 p.

Qatari diplomatic crisis in terms of "defensive" and "offensive" realism of foreign relations

(USA & Canada Journal, 2019, No 2, p. 38-56)

Received: 15.11.2018.

GRAFOV Dmitriy Borisovich, candidate of Sciences (Politics), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences. Russian Federation, 107031 Moscow, Rozhdestvenka, 12 (graftvc@mail.ru).

The article considers the U.S. engagement in the Gulf crisis between Qatar and Saudi coalition from the point of view of the neorealist school of international relations. Qatar and Saudi Arabia are destined to be adversaries as Qatari ambitions and influence grow. Two structural theory approaches of this school known as defensive realism (Kenneth Waltz) and offensive realism (John Mearsheimer) are used to analyze and work out more efficient strategy with regard to the «security dilemma» in the international system.

The parties of the conflict demonstrate both approaches. While Washington is interested in resolving the conflict based on bilateral concessions, none of the other parties is willing to consider concessions for a compromise agreement. Instead of that, both Qatar and Saudi

«four-state coalition» chose the ways to maximize their power over «buck-passing» by involving the U.S. Aggressive behavior of Saudi coalition may be described as offensive realism strategy while Qatar is prone to defensive realism. Saudi Blockade of Qatar triggered balancing counter moves, and Qatar balances the power more efficiently involving other countries. The outcomes of analysis are as follows:

- The Saudi overbalancing strategies in their ultimate aim to dominate in the Gulf did not succeed.
- In response to upset the balance of power the Qatari strategy of resolving their own security dilemma by «buck-passing» leads to Saudi coalition accepts the raised burden of deterring counterpart and after deeper involving new adversaries rivals of Qatar in Gulf will spent more substantial resources to achieving their goals.
- The balance-of-power approach in analyzing the development of Qatari – Saudi crisis shows that both parties' attempts to «buck-pass» the responsibility to one superpower are inefficient, since both Qatar and Saudi coalition act as the U.S. clients.

Keywords: Qatar, crisis, blockade, Saudi Arabia, United Arab Emirates, Bahrain, Egypt, USA, security dilemma, offensive realism, defensive realism, balance of forces.

About the author:

GRAFOV Dmitry Borisovich, Senior Research Fellow.